

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ «МУЖИЦКОЙ ПРАВДЫ» ВИКЕНТИЯ КОНСТАНТИНА КАЛИНОВСКОГО В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: 10.25629/НС.2021.05.S10

Яловега В.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. В статье рассматривается религиозный контекст повстанческой деятельности известного предводителя Январского восстания 1863-1864 гг. на территории Литвы и современной Республики Беларусь – В.К. Калиновского. В первой части статьи дан краткий обзор разработки данного вопроса в историографии: от национал-демократа В.У. Ластовского до современного белорусского исследователя С.П. Абламейко. Констатируется, что несмотря на большой интерес, которые исследователи проявляли к фигуре Калиновского на протяжении последних ста лет, религиозные мотивы его повстанческой деятельности до сих пор не нашли своего отображения в исследовательских работах. Вторая часть работы посвящен анализу религиозного компонента самого известного литературного произведения К. Калиновского – его подпольной газеты «Мужицкая правда». В семи выпусках данной газеты мы довольно часто встречаемся с трансцендентальными понятиями, кроме того, в последних выпусках, изданных буквально накануне начала восстания, прослеживается некая религиозная концепция, связанная с защитой Греко-католической церкви. Приводятся возможные причины, побудившие такого весьма светского человека, как К. Калиновский, обратиться к религиозным материям с целью вызвать большее брожение в белорусской крестьянской среде, а также возможные последствия этого шага. Высказывается необходимость дальнейшей работы в этом направлении.

Ключевые слова: история Польши, история Беларуси, историография, Январское восстание, К. Калиновский.

Одним из наиболее ярких событий, отразивших колоссальную разницу в подходах к событиям польского Январского восстания 1863-1864 годов в постсоветских национальных историографиях, стали мемориальные события в ноябре 2019 года в Вильнюсе, в ходе которых были торжественно перезахоронены несколькими годами ранее обнаруженные останки руководителей восстания на территории Литвы – Сигизмунда Сераковского, Константина Калиновского и других. На памятных мероприятиях, которые почтили своим присутствием главы Польши, Литвы, Латвии и вице-премьер Республики Беларусь, было произнесено очень много слов, воздающих признательность усопшим в том, что они внесли огромный вклад в национально-освободительную борьбу народов стран Балтии и Беларуси, борьбу с единым (с поляками) врагом – Россией. Ещё более любопытной можно назвать ту дискуссию, которая вспыхнула в прессе в связи с возможным (на тот момент) перезахоронением В.К. Калиновского в Вильнюсе.

Ряд белорусских исследователей и политических деятелей, в частности, историк В.В. Герасимчик, потребовали обеспечить возможность похорон «национального героя» на территории белорусского государства, которое, по их мнению, обязано своим появлением во многом именно Калиновскому. Представители же иной идеологической модели, например, историк А.Ю. Бендин, высказались резко против этого шага, называя Калиновского польским повстанцем-русобобом. Примечательно, что российская историческая наука и даже публицистика практически проигнорировали данное мероприятие и споры вокруг него – отдельные попытки осветить вильнюсские события сводились, иногда, к транслированию литовско-польских мифов о «литовских» повстанцах Калиновском и Сераковском (например, в представлении интернет-СМИ «Лента.ру» [1]).

Всё это тем более любопытно, так как реальная идеологическая концепция восставших зимой 1863 года на территории современных Литвы и Белоруссии деятелей до сих пор не изучена

подробно. Например, абсолютно выпал из внимания большинства исследователей религиозный компонент пропаганды Константина Калиновского (1838–1864), который будет затронут в данной статье.

Любопытно, что родоначальниками разработки темы К. Калиновского в историографии считают двух политических деятелей белорусского национального движения – В. Ластовского и В. Толочко. Первый из них был деятелем христианско-демократического движения, второй – католическим священником любопытно, что ни тот, ни другой в своих произведениях («Памяці Справядлівага» [2] и «Хто быў Констант Каліноўскі» [3]) детально не рассматривают религиозную деятельность их героя.

Практически не касаются темы религиозной принадлежности К. Калиновского и советские исследователи – такие известные советские полонисты как А.Ф. Смирнов [4], В.А. Дьяков и И.С. Миллер [5; 6] не придавали этому аспекту существенного внимания – ни в монографиях, посвящённых революционному движению в Литве и Белоруссии в целом, ни в книгах непосредственно о Калиновском.

Польские авторы, обращавшиеся к личности К. Калиновского в своих исследованиях – В. Кордович [7], С. Кеневич [8] и его ученик Д. Файнхауз [9] – не стремились глубоко затрагивать конфессиональную тему в идейном наследии Калиновского. Почти не касались данного вопроса и известные своими работами о Калиновском белорусские исследователи В.Ф. Шалькевич [10] и М.О. Бич [11]. В лучшем случае историки упоминают пропаганду униатства в противовес официальному православию в шестом выпуске «Мужицкой правды» Калиновского, а также критику оставшихся на стороне правительства представителей католического духовенства в «Приказе-воззвании Виленского провинциального центра» и других пропагандистских текстах [10, с. 15].

Редким примером более подробного обращения к религиозным мотивам творческого наследия К. Калиновского является напечатанная в 1988 году небольшая статья гродненского историка Я.Н. Мараша «Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма» [12]. Впрочем, даже в тексте, написанном в традициях «научного атеизма» находим немного аргументов в пользу того, что Калиновский был борцом с религией. не привёл. Автор подчёркивал, что вождь повстанцев «не мог не знать» о злоупотреблениях церкви (как католической, так и православной), а упор на защиту «истинной» униатской церкви обозначен в статье как «ошибочный».

Что любопытно, не жалуют тему религиозного самосознания Калиновского не особо жалуют его сегодняшние горячие поклонники. Скорее, наоборот, конфессиональный вопрос поднял в своей книге один из наиболее последовательных критиков как деятельности Калиновского, так и его посмертного возвеличивания – историк из Минска А.Д. Гронский, совершенно справедливо упомянувший прямые призывы к расправам с православными священниками, упоминавшиеся в «Мужицкой правде» [13, с. 85]. Тем не менее, даже такой активный исследователь деятельности В.К. Калиновского, как В.В. Герасимчик, в своей недавней монографии [14] почти не упоминает этот момент.

Впрочем, некоторые перемены принёс 2020 год – целой, пусть и небольшой по объёму, главой в своей книге откликнулся на религиозные мотивы борьбы К. Калиновского белорусский исследователь С.П. Абламейко, издавший при поддержке белорусской редакции «Радио Свобода» монографию «Калиновский и политическое рождение Беларуси» [15, с. 46–49]. В ней Абламейко рассматривает защиту Калиновским униатской церкви в ряду с другими, национально-социальными аспектами идеологических конструкций Калиновского. Однако, что любопытно, никаких новых аргументов, по сравнению со стойким марксистом Марашем, сотрудник либеральной радиостанции не находит и объясняет проуниатскую позицию Калиновского исключительно методом взаимодействия с белорусской крестьянской массой, якобы повально испытывавшей боль от «незаживающей раны» от ликвидации унии в Белоруссии по решениям Полоцкого собора 1839 года (в это время Калиновскому был ровно один год от роду) [15, с. 47]. Не упоминает Абламейко и прямые призывы к ликвидации православия, вместо этого отмечая, что православные принимали участие в восстании наравне с католиками и униатами.

Все вышеуказанные историографические лакуны вынуждают нас внимательно обратиться к первоисточнику родом из 1862-1863 годов и попытаться кратко проследить религиозную составляющую самого известного письменного произведения, к которому приложил свою руку К. Калиновский – нелегальной белорусскоязычной газеты «Мужицкая правда».

Напомним, что «Мужицкую праўду» (в оригинале латиницей: «Mužyckaja prauđa», русский вариант – «Мужицкая правда») называют первым когда-либо изданным периодическим изданием на белорусском языке. Написанные с июля 1862 года по июнь 1863 года семь выпусков «Праўды» являются одними из первых печатных текстов на современном белорусском языке.

В первом выпуске «Праўды» (не позднее 10 июля 1862 года), посвященном общей критике «москалей» и их реформы (1861 года), ничего ни о религии, ни о её представителях не сказано. Зато второй выпуск (конец августа) сразу отсылает к сакральным мотивам – «Если Бог создал всех людей свободными и всем дал одинаковую душу, так откуда же взялось что один живёт праздно да над людьми своевольничает, а другой, бедный, барщину служит или оброки в казну платит...» [16, с. 48].

Далее Калиновский вновь убеждает своих читателей (сам выпуск посвящён крепостному праву и свободе) – «Чтобы растолковать людям, в чём есть правда, я пишу письмо и писать буду, как Бог и совесть подсказывают...» [16, с. 48]. Далее в выпуске «Яська-гаспадар из-под Вильно» (псевдоним Калиновского) критикует «москаля и немца», якобы введших барщину и чинш. О Боге же ничего не упоминается.

В третьем выпуске (не позднее 6 октября 1862 года), где Яська открывает крестьянам глаза на то, что «москаль» решил дать им свободу только из-за поражения в Крымской войне, отмечается также следующее: «Человек имеет натуру, что или ничего не знает и ничего не иметь не хочет, или, когда узнает, то захочет понять <...>, что ему принадлежит. <...>. Вот ещё недавно говорили наши, что они созданы для того, чтобы служить барщину и быть невольниками <...> Сегодня все уже поумнели, все уже мужики толкуют, что Бог создал человека, чтобы он пользовался справедливой свободой <...> Этот порядок, что народ делается умнее, исходит от самого Бога, и кто ему захочет воспротивиться, того или сам Бог или народ по приказу Божьему с землёй смешает». Далее – «Мы сегодня все уже знаем, что человек свободный – это когда свой кусок земли, за которую ни чинша ни оброка не платит <...> когда не идёт в рекруты чёрт знает куда, а идёт защищать свой край тогда только, если подступит неприятель, <...> и что не обижают ближнего и славы божьей, когда исповедует ту веру, которую исповедовали его отцы, деды и прадеды. Вот что свобода значит...» [16, с. 50].

Переходя к необходимости борьбы за свободу, всё тот же Яська отмечает – «Только, ребята, смело, потому что с нами Бог и правда, а когда мы с Богом, то с нами воевать трудно, потому что Божья сила велика, а народу много». Заканчивается же выпуск и вовсе призывом – «Бог вам поможет!!!» [16, с. 52].

Отметим удивительное повышение градуса религиозности у автора с июля по октябрь 1862 года – в третьем письме уже проглядываются вполне себе мессианские идеи (он же доводит до народа, что бороться надо за то, что Бог создал, а не за что-либо иное).

Четвёртый выпуск (не позднее 28 декабря 1862 года) начинается рассуждениями о том, как всё хорошо за границей – «у француза или у англичанина, народ сочувствует правительству, то потому, что правительство слушает народ», затем переходит к наболевшему: «У нас, ребята, одному только учат в школах: чтобы ты умел читать по-русски, а для этого чтобы тебя совсем переделать на москаля. Суды московские – это волчья яма, где не разбирают, прав ты или виноват, а дерут только как могут» [16, с. 53]. Чтобы показать, какой ужасный москальский царь, Яська отмечает, что «царь таких людей [которые не притесняют] в Сибирь высылает, а за наши деньги назначает чиновниками таких, которые сами людей притесняют, другим притеснять позволяют и Бога не боятся» [16, с. 53]. Как мы видим, особой религиозной пропаганды в этом выпуске нет, но настойчиво насаждается тезис о том, что москальская власть – не справедливая, не от Бога, и что не бороться с ней – грех, то есть идти против Бога. Соответственно и

борьба с ней не только благословляется, но и понуждается самим Богом. В дальнейших выпусках все эти тезисы будут только развернуты.

Пятый выпуск (ноябрь 1862 года) посвящён, прежде всего, критике рекрутского набора. Но периодически автор плавно переходит и к следующим пассажирам: «А что греха наберёшься перед Богом, содействуя москалю, этого Бог никогда не простит. Идёт француз давать свободу мужикам, бунтуют городские и молодёжь за нашу свободу и веру, а мы даём рекрута и нашей грудью царь московский заслоняется и нашими руками усмиряет бунты и впрягает нас в вечную неволю. Того, кто о нашем благе думает, мы гоним, тому, кто нам зло причиняет, мы помогаем – ну разве не грешно перед Богом, не стыдно перед всем светом? Сами скажите» [16, с. 53], – чего здесь больше, отчаяния или религиозной пропаганды, нельзя сказать, но идея о божьем благословении борьбы с москалями никуда не уходит.

Наконец, выпуск шестой (декабрь 1862 года): «Горькая или сладкая моя правда, я писал всегда и так писать буду – учил вас, как поступать нужно, и учить буду. Вы только слушайте меня. Обдумайте хорошенько и делайте так, как совесть вам подскажет, и Бог ещё смилуется над нами, и даст нам счастье, и будет у нас жизнь хорошая» [16, с. 54].

Уже по начальному абзацу понятно, что автор манифеста (Калиновский и его ближайшие соратники) берут направление продолжать гнуть свою линию, по которой он является носителем Божией правды и то, к чему он призывает, суть благое дело, а отказ от этого – грех. К тому же читаем далее: «Когда Бог, сотворив человека, дал ему душу, то не для того, чтобы он жил как собака, на этом свете, а на том свете пропал на век веков в муках адовых, а для того, ребята, чтобы он знал закон Божий, знал своего Бога, знал свою веру и заслужил счастье небесное. Когда Сын Божий, придя на землю, установил истинную веру и за эту веру терпел крестные муки, то не для того, чтобы какие-то цари московские, подлого рода, меняли закон Божий, а мы по приказу этих царей от веры своих дедов и прадедов и славили не Бога, а семью царскую, а для того, ребята, Всевышний терпел за нас, чтоб закон Его был уже вечным. Никто не смел его менять и мы, сколько хватит сил, придерживались бы его.

А разве у нас, ребята, так делается, как сам Бог приказывает, разве придерживаемся мы закона Божьего? Сами скажите. Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живёт без веры, и, как собака, сдохнет на радость чертям в пекле!! Эх, ребята, беда такому человеку! А если мы так будем поступать с Богом, так что же Бог Всевышний с нами сделает? Пошлёт в пекло на вечные муки, будут черти душу нашу на куски рвать, а смола в утробе кипеть будет. Узнаешь тогда, что такое лихо, но в аду поздно уже будет, не умолишь тогда справедливого Бога, и мукам твоим никогда конца не будет.

Теперь спрашиваю вас, ребята, кто же нам такой беды, наделал и что нужно сделать, чтоб мы были счастливыми и на этом, и на том свете.

Наделал нам такой беды, ребята, царь московский. Это он, подкупив многих попов, велел в схизму записать нас, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие и, как тот Антихрист, отобрал у нас праведную униатскую веру и погубил нас перед Богом навеки, а сделал это для того, чтобы мог нас без конца грабить, а Бог справедливый не смилостивился над нами.

Боже Всемогущий, Господь наш милосердный, ты о нас не забывай, смилуйся над нами, помоги нам в нашей неволе, выгони москаля из нашего края, дай нам настоящую свободу и веру наших дедов и прадедов, – и костёлы, которые москаль, нечистая его сила, разрушили или переделал на конюшни и церкви, вновь засияют во славу Твою и народ в них славить Тебя будет, как славили наши предки. Запоём тогда в один голос нашу песнь святую: “Святой Боже, святой сильный, святой бессмертный, смилуйся над нами!” – и Бог Всевышний смилуется над нами, поможет нам в нашем труде. А на том свете даст царство небесное – и не будут уже детишки наши мать свою проклинать, что на свет родила!!

Сказывают люди, что святой Отец прямо из Рима прислал к нам своё благословение (но москаль его задерживает), говорят, что пришлёт и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына Его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходят в истинную веру дедов и прадедов. Потому что кто не перейдёт в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!

Так хватит же, ребята, жить безо всякого утешения на свете, если Бог милосердный милостив к нам, а ты, человеке, как прочитаешь или услышишь эту правду, произнеси молитву, чтобы Бог Всемогущий помог людям, которые желают нам добра, которые хотят, чтобы мы были свободными, как шляхта, имели свою землю, как шляхта, славили Бога по правде и заслужили рай на том свете.

Этого от души вам желает ваш брат, такой же самый от дедов-прадедов мужик, как и вы, но ещё униатской веры...» [16, с. 55–56].

За этот выпуск «Мужицкой правды» Калиновский неоднократно критиковался в советской историографии. Так, вышеупомнутый Я.Н. Мараш в своей статье отмечал: «Калиновский брал под защиту эту [униатскую] церковь <...> При этом православная церковь в союзе с самодержавием пользовались насильственными методами. В этих условиях К. Калиновский выступил против насильственных мер в отношении униатской церкви. Ведь белорусский революционер-демократ стоял на позициях свободы совести. <...> “Мужицкая праўда” справедливо критиковала царское правительство... Но вместе с этим она ошибалась, назвав униатскую церковь – церковью дедов и прадедов белорусов. Ошибочно Калиновский берёт под защиту униатство, которое на самом деле было средством окатоличивания белорусского народа» [12, с. 45].

Седьмой, последний выпуск «Мужицкой правды», был написан уже после начала польского восстания, в июне 1863 года. Здесь также содержится критика православия и призывы к возвращению униатской веры, а также идея Божьего провидения и Божьего дела в восстании. «Чиновники, попы и москали все в один голос морочили нам голову, будто царь чистосердечно к нам относится...». «Обманул же нас царь, а слуги его – попы, чиновники и москали – подвели нас, как чёрт добрую душу» [15, с. 59].

Далее Калиновский рассказывает о Польском восстании, к тому времени уже продолжавшемся полгода, и о манифесте восставших: «... вот все разом с вилами и косами пошли добиваться земли и правды, а кое-кто и святой униатской веры. Вышел уже польский манифест. <...> Униатские костёлы, отобранные москалями, отдаются опять униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-униатски, к униатским ксендзам идти на проповедь и по-старому БОГУ молиться, как ещё отцы наши молились.

Вот теперь сами разбейтесь: где большая правда – в польском манифесте или в царском. <...> Польский манифест дал землю, не требует рекрута, отменил подушное, возвратил унию. Ну скажите, братья, кто больше о нас заботится? Помогли бы французы и нам, как помогают мужикам в Польше, только что ж, царь отвечает, что мужики у нас всем довольны <...> и унию никто не желает. И тут царь обманывает...» [15 с. 59].

О том, как «учили поляков», Ясько высказывается так: «Учили и их, как доносить друг на друга <...> только мало нашлось таких, которые, не боясь ни Бога, ни стыда человеческого, служили бы москалям...» [15, с. 59].

Присутствует здесь же и следующее воззвание – «Подумайте хорошенько, и, помолвившись Богу, встанем дружно за нашу свободу!» [15, с. 60–61].

Подводя итог, мы доказали, что в «Мужицкой правде» создаётся уникальная религиозная идеология. Можно уверенно сказать, что Калиновский не собирался деклерикализировать крестьян, чего можно было ожидать от революционного демократа, а наоборот ещё больше их в эти «путы», простите за тавтологию, впутывал, внося религиозный концепт внедряемую им идею народного восстание. Отчётливо прослеживается в «Мужицкой правде» идея восстания как религиозной борьбы за Бога и святую веру. Московский царь в некоторых местах открыто

сравнивается с Антихристом, а его слуги, в том числе и «попы» (которых Калиновский отчётливо отличает от ксендзов), соответственно, со слугами дьявола. Отметим, что Калиновский явно соотносит понятие свобода с Божьим промыслом. «Бог создал человека свободным», «бороться за веру и свободу». Интересно, что уровень религиозной пропаганды в «Мужицкой правде» нарастал с каждым новым выпуском. Это можно объяснить можно, в частности, тем, что, приехав из вполне светского Петербурга, Калиновскому в своей агитации пришлось учитывать религиозность провинциальной жизни, особенно в деревне. Ему пришлось подстраивать свою агитацию под эти условия, создавая при этом чёткую социально-религиозную философию. Вопрос о том, насколько уникальной является та концепция, которую Калиновский пытался передать белорусским крестьянам, как она сочетается с взглядами либеральной общности Петербурга, многие представители которой, как известно, были выходцами из церковной среды, каковы её истоки – задачи для дальнейших исследований.

Подводя итог обзору первоисточника, стоит особо подчеркнуть, что в «Мужицкой правде» создаётся уникальная религиозная идеология. Можно уверенно сказать, что Калиновский не собирався деклериализировать крестьян, чего можно было ожидать от революционного демократа, каковым его считала советская историческая наука и каковым его считают до сих пор многие белорусские историки, примером чего служит недавняя монография и другие работы В.В. Герасимчика [14]. Вождь повстанцев, наоборот, ещё больше усиливал в своей пропаганде конфессиональную составляющую, внося религиозный концепт во внедряемую им идею народного восстания. В «Мужицкой правде» отчётливо прослеживается идея восстания именно как религиозной борьбы за Бога и святую веру. «Московский царь» в некоторых местах открыто сравнивается с Антихристом, а его слуги, в том числе и «попы» (которых Калиновский отчётливо отличает от ксендзов), соответственно, со слугами дьявола. Отметим, что Калиновский явно соотносит понятие свободы с Божьим промыслом. «Бог создал человека свободным», «бороться за веру и свободу». Интересно, что уровень религиозной пропаганды в «Мужицкой правде» нарастал с каждым новым выпуском. Это можно объяснить, в частности, тем, что, приехав из вполне светского Петербурга, Калиновский в своей агитации вынужден был учитывать религиозность провинциальной жизни, особенно в деревне. Ему пришлось подстраивать свою агитацию под эти условия, создавая при этом чёткую социально-религиозную философию. Вопрос о том, насколько уникальной является та концепция, которую Калиновский пытался передать белорусским крестьянам, как она сочетается с взглядами либеральной общности Петербурга, как известно, были выходцами из церковной среды, каковы её истоки – задачи для дальнейших исследований.

Библиография

1. Хождение по мукам Сигизмунда. История жизни и смерти польско-литовского бунтаря Сераковского. Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/29/sigizmund/> (дата обращения – 10.12.2020).
2. Swajak. Pamiaci Sprawiadliwaho // Homan. 1916. № 1. С. 3-6.
3. Толючка, У. Chto byu Konstant Kalinouski? // Bielaruskaje żyćcio. 1919. № 10. С. 2–3.
4. Смірноў А. П. Кастусь Каліноўскі ў паўстанні 1863 года. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя сацыяльна-эканамічнай літаратуры, 1959. 189 с.
5. Дьяков В. А., Миллер И. С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 года. М.: Наука, 1964. 448 с.
6. «За нашу и вашу свободу!» Герои 1863 года. М.: Молодая гвардия, 1964. 448 с.
7. Kordowicz W. Konstanty Kalinowski: rewolucyjna demokracja polska w powstaniu styczniowym na Litwie i Białorusi, Warszawa; Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1955. 306 с.
8. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 800 с.
9. Fajnhauz D. 1863: Litwa i Białoruś. Warszawa: Neriton, 1999. 357 с.
10. Шалькевич В. Ф. Кастусь Калиновский. Минск: Университетское, 1988. 239 с.

11. Біч М. В. Паўстанне 1863–1864 гг. Кастусь Каліноўскі // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 37–38.

12. Мараш Я. Н. Идейное наследие К. Калиновского и критика клерикализма. // Кастусь Калиновский (1838-1864) [сборник]. Гродно, 1988. С. 41-45.

13. Гронский А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82-87

14. Герасімчык В. У. Канстанцін Каліноўскі: асоба і легенда. Гродна: ЮрСаПрынт. 2018, 230 с.

15. Абламейка С. П. Каліноўскі і палятычнае нараджэньне Беларусі. Менск: Радыё Свабода. 2020. 123 с.

16. К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. 208 с.

Яловега Вячеслав Игоревич. Аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: vyaloveg@mail.ru

**THE RELIGIOUS ASPECT OF *MUŻYCKAJA PRAUDA* ILLEGAL NEWSPAPER,
WRITTEN BY WINCENTY K. KALINOWSKI, IN THE MIRROR OF RUSSIAN AND
MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.25629/HC.2021.05.S10

Ialovega V.I.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines the religious context of the rebel activity of the famous leader of the January Uprising of 1863-1864 on the territory of Lithuania and the modern Republic of Belarus – W.K. Kalinowski. The first part of the article gives a brief overview of the development of this issue in historiography: from the national-democrat W.U. Lastouski to the modern Belarusian researcher S.P. Ablamejka. It is stated that despite the great interest that researchers have shown to the figure of Kalinowski over the past hundred years, the religious motives of his insurrectionary activities have not yet been reflected in research works. The second part of the work is devoted to the analysis of the religious component of the most famous literary work of K. Kalinowski – his illegal newspaper *Mużyckaja prauda*. In seven editions of this newspaper, we quite often come across transcendental concepts, in addition, in the latest issues, published literally on the eve of the uprising, there is a certain religious concept associated with the protection of the Greek Catholic Church. Possible reasons are given that prompted such a very secular person as K. Kalinowski to turn to religious matters in order to cause greater fermentation in the Belarusian peasant environment, as well as the possible consequences of this step. The need for further work in this direction is expressed.

Key words: history of Poland, history of Belarus, historiography, January uprising, K. Kalinowski.

References

1. *Khozheniye po mukam Sigizmunda. Istorija zhizni i smerti pol'sko-litovskogo buntarya Serakovskogo* [Walking in the throes of Sigismund. The story of the life and death of the Polish-Lithuanian rebel Sierakowski]. Lenta.ru [Electronic resource]. Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/07/29/sigizmund/> (date of access – 10.12.2020).

2. Swajak. *Pamiaci Sprawiadliwaho* [In memory of the Fair]. Homan. 1916. no. 1. pp. 3 - 6.

3. То́лочка, У. *Что быў Канстант Каліноўскі?* [Who was Konstant Kalinouski?] Biełaruskaje žyćcio, 1919 no. 10. pp. 2–3.

4. Smírnoŭ A. P. *Kastus' Kalinoŭski ŭ paŭstanni 1863 goda* [Kastus' Kalinouski in the 1863 Uprising]. Minsk: Džjaržaŭnaje vydavectva BSSR, Redakcyja sacyjal'na-ekanamichnaj litaratury, 1959. 189 p.
5. D'yakov V.A., Miller I. S. *Revoljutsionnoye dvizheniye v russkoy armii i vosstaniye 1863 goda* [The revolutionary movement in the Russian army and the 1863 Uprising]. Moscow; Nauka, 1964. 448 p.
6. «*Za nashu i vashu svobodu!*» *Geroi 1863 goda*. ["For our and your freedom!" Heroes of 1863] Moscow: Molodaya gvardiya, 1964. 448 p.
7. Kordowicz W. *Konstanty Kalinowski: rewolucyjna demokracja polska w powstaniu styczniowym na Litwie i Białorusi* [Konstanty Kalinowski: Polish Revolutionary Democracy in the January Uprising at Lithuania and Byelorussia]. Warsaw: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, 1955. 306 p.
8. Kieniewicz S. *Powstanie styczniowe* [The January Uprising]. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1972. 800 p.
9. Fajnhauz D. *1863: Litwa i Białoruś*. [1863: Lithuania and Belarus]. Warsaw: Neriton, 1999. 357 p.
10. Shal'kievich V. F. *Kastus' Kalinovsky* [Kastus' Kalinovsky] Minsk: Universitetskoye, 1988. 239 p.
11. Bič M. V. *Paŭstanne 1863–1864 gg. Kastus' Kalinoŭski*. [1863-1864 Uprising. Kastus' Kalinovsky]. *Gistaryčny al'manach* [The Historical Almanac]. 2002. no. 6. pp. 37–38.
12. Marash Ya. N. *Ideynoye naslediye K. Kalinovskogo i kritika klerikalizma* [Ideological heritage of K. Kalinovsky and criticism of clericalism]. *Kastus' Kalinovsky (1838-1864)* [Kastus' Kalinovsky. 1838-1864]. Grodno, 1988. pp. 41-45.
13. Gronskiy A.D. *Kastus' Kalinovskiy: konstruirovaniye geroya* [Kastus' Kalinovsky: constructing a hero]. *Belaruskaja dumka* [Belarusian thought]. 2008. no. 2. pp. 82-87
14. Gerasimchyk V. U. *Kanstantsin Kalinoŭski: asoba i legenda* [Kanstantsin Kalinoski: personality and legend]. Hrodna: JurSaPrynt. 2018. 230 p.
15. Ablamejka S. P. *Kalinoŭski i paljatyčnaje naradžen'nie Belarusi* [Kalinouski and the political birth of Belarus']. Mensk: Radyjo svaboda. 2020. 123 p.
16. *K. Kalinovsky. Iz pechatnogo i rukopisnogo naslediya* [K. Kalinovsky. From printed and handwritten heritage]. Minsk: Belarus', 1988. 208 p.

Ialovega Viacheslav Igorevich. Postgraduate Student, Department of History of the South and West Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: vyaloveg@mail.ru